

В. В. Лапин

АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ ЕРМОЛОВ — ПОКОРИТЕЛЬ КАВКАЗА (Размышления перед портретом)

Подобно тому как имена А. В. Суворова и Ф. Ф. Ушакова прочно связаны с турецкими войнами второй половины XVIII столетия, а образы М. И. Кутузова, П. И. Багратиона и М. Б. Барклая де Толли обязательны при создании картины эпопеи 1812 г., имя генерала Алексея Петровича Ермолова неотделимо от Кавказской войны. В исторической памяти российского общества именно он значится покорителем этого края.

Почему именно Ермолов стал «брэндом» Кавказской войны? Почему остальные генералы прикрыты дымкой забвения, несмотря на усилия официальной историографии и действительные заслуги в деле расширения имперских границ?

В полуторавековой истории завоевания Кавказа от персидского похода Петра Великого (1722) до подавления восстания в Терской области (1877) «десятилетие Ермолова» (1816-1826) составляет довольно скромный временной отрезок. Более солидно выглядит время его командования, если считать началом войны основание крепости Грозная (1817), а окончанием — прекращение организованного сопротивления горцев Западного Кавказа (1864). Однако традиционные хронологические рамки этого самого затяжного военного конфликта вызывают множество вопросов, поскольку сами по себе являются следствием мощного идеологического давления на отечественную историографию.

Он был одним из тринадцати главнокомандующих за период с 1802 по 1864 г. После того как человек, получивший неофициальный титул покорителя Кавказа, навсегда покинул Тифлис, само это покорение продолжалось еще несколько десятилетий. Все племена, которые он вынудил принести присягу, впоследствии неоднократно брались за оружие, и русским войскам не раз приходилось проливать кровь там, где Ермолов проезжал с символическим конвоем.

Формированию подобной устойчивой точки зрения способствовал целый ряд обстоятельств. До 1820-х гг. горцев считали не противниками, а разбойниками. Соответственно действия против них — полицейскими, а не военными акциями. История Кавказско-горской войны, как ее стали называть, писалась как бы с чистого листа, и на первой строке значилось — Ермолов.

Признание этого генерала победителем позволяло считать Чечню и Дагестан российской территорией, а горцев, вновь взявшихся за оружие, не воюющей стороной, а бунтующими подданными, нарушившими ранее данную присягу.

Неудачи 1830-х — начала 1850-х гг. объяснялись «фанатизмом» противника, а также отступлением от ермоловской стратегии, представлявшей собой комбинацию рубки леса, экономической блокады, карательных экспедиций и основания опорных пунктов на территории Чечни и Дагестана. Именно возвращение к этой системе обеспечило перелом, наступивший в начале 1850-х гг., а князь А. И. Барятинский, пленивший Шамиля, изображался преемником легендарного героя. Кроме того, заслугой Ермолова считают приведение обмундирования в соответствие с местными требованиями и отказ от масштабных и бесплодных экспедиций, характерных для последующих десятилетий.

Все эти положения нуждаются в комментировании. Массированная рубка леса вовсе не была «изобретением пороха»: еще в XVIII в. крымские татары собирались таким образом покорять жителей Западного Кавказа. До начала XIX столетия командование не планировало масштабных действий в лесных районах и, что более важно, не имело достаточно сил для прокладки и периодической прочистки широких просек. Кроме того, при Ермолове рубка леса была не составной частью общего стратегического плана, как при М. С. Воронцове и А. И. Барятинском, а только способом избежать больших потерь и проводилась только в рамках конкретной военной операции, что являлось существенным различием. Не был пионером Ермолов и в плане адаптации армейского обмундирования к условиям горной войны: его предшественники также видели нелепость киверов и тяжелых ранцев за пределами парадного плаца.

Общим местом в истории Кавказской войны является описание тревожной жизни гарнизонов, постоянно ожидавших внезапного нападения горцев. Ограничение русской власти линией крепостных валов часто связывают с ошибочной стратегией 1830-1840-х гг. Но и крепость Грозная, в которой долго сохранялась мемориальная землянка Ермолова, три десятилетия спустя после своего основания в 1817 г. подвергалась обстрелам и налетам.

Ермолов был далеко не безгрешен как военачальник. Неудачи русских войск на первом этапе войны с Персией 1826-1829 гг. — во многом на его совести, поскольку он явно недооценил противника, не принял мер к тому, чтобы собрать в один кулак части, рассеянные вдоль границы. Не обнаружено прямых свидетельств саботажа Ермолова, оскорбленного тем, что его поставили в положение «провиантмейстера» при Паскевиче, но его деятельность по организации закупок хлеба и поставок его в войска в 1826 г. — ниже всякой критики. Преступные (другое определение трудно подобрать) упущения в интендантской сфере поставили на грань катастрофы гарнизон осажденной персами крепости Шуша, сковывали действия русских войск в Азербайджане, заставили надолго отложить решительное наступление на Тебриз.² Только отказ выполнять приказы Ермолова позволил командирам некоторых частей избежать полного уничтожения³

Крупнейшей стратегической ошибкой Ермолова явились его действия по подрыву власти местной знати, в результате чего в 1830-1840-е гг. русское правительство оказалось перед лицом военно-демократического общества горцев, аморфного, неконтролируемого и абсолютно неспособного к политическим контактам, по крайней мере в том формате, который был приемлемым для России. Он называл себя преемником П. Д. Цицианова, также считавшего ханов и беков главными противниками.⁴

Почти все главнокомандующие на Кавказе грешили составлением химеричных планов покорения края, но при упоминании о штабных фантазиях И. Ф. Паскевича, М. С. Воронцова, Г. В. Розена и Е. А. Головина крайне редко вспоминают о том, что и Ермолов собирался «решить проблему» за два года силами двух дивизий.

Действительно, Ермолов в нескольких сражениях разгромил ополчения чеченцев и дагестанцев, фактически не имевших опыта боев с регулярными войсками и понесших огромные потери от картечных залпов. Горцы оказались толковыми учениками, и уже его преемники — Г. В. Розен, А. И. Нейдгардт, Е. А. Головин и М. С. Воронцов на себе испытали, насколько хорошо они усвоили уроки 1820-х гг.

Правила войны на Северном Кавказе во многом отличались от правил европейских. Здесь едва ли не единственным типом операции был набег — быстрое вторжение на

территорию противника, грабеж и возвращение в исходную точку. Даже нашествия персов, турок, крымских татар были не чем иным, как массированными набегами, поскольку пришельцы не делали попыток обосноваться в горах и не навязывали местным жителям своих норм существования. Изъявление покорности в таких условиях было средством избежать больших человеческих и материальных жертв, поскольку действенных механизмов порабощения и эксплуатации в специфических условиях горного Кавказа не могло существовать в принципе. Присяга в такой ситуации была вариантом перемирия, заключавшегося для выжидания времени, когда его можно будет без особых проблем нарушить. Походы Ермолова 1817-1819 гг. не выходили за рамки того, что Кавказ переживал не единожды, чем во многом и объясняется сравнительно слабое сопротивление чеченцев и дагестанцев. Однако его дальнейшие действия противоречили всем представлениям о войне, которые в силу огромной роли военной составляющей в жизни горского общества являлись едва ли не основой местной картины мироустройства. Русские добились присяги и не ушли! Более того, они стали вмешиваться во внутренние дела горцев, что последние считали совершенно недопустимым. По мере того как население Дагестана и Чечни осознавало весь радикализм перемен, возрастало и сопротивление.

Действительно, удары 1817-1819 гг. настолько шокировали горцев, что к 1821 г. прекратились массированные набеги на грузинские и русские поселения, практически все общества восточного Кавказа «изъявили покорность». Но уже вскоре появились грозные признаки того, что присяги, данные Ермолову, ничуть не прочнее тех, которые получали от горцев на протяжении предшествующего столетия. Однако это, как мы видим, не помешало считать его покорителем Кавказа и победителем в войне с горцами.

Очевидная для такого опытного военачальника неустойчивость уже достигнутого покорения горцев толкала Ермолова на усиление репрессивного курса. Он все чаще стал делать ставку на устрашение. Вот одна из его «инструкций»: «...по открытии, где прошла партия (отряд горцев. — В. Л.), исследуется, точно ли защищались жители и были со стороны их убитые в сражении или они пропустили мошенников, не защищаясь; в сем последнем случае деревня истребляется, жен и детей вырезают».⁵ Создается впечатление, что сам Ермолов верил, что дело не дойдет до масштабных репрессий, что «примерные» экзекуции и экономическая блокада вынудят горцев принять его условия.⁶ Можно согласиться с утверждением М. Блиева, что главнокомандующий «не смог подняться до понимания того, насколько он отдаляется... от успеха в „усмирении“ и „преобразовании“ Кавказа. Бессильный перед стихией набегов, А. П. Ермолов постепенно превращался в „грозу горцев“, кавказского Чингисхана. Он не гнушался этой роли. Напротив, чем больше загадок ставили перед ним „вольные“ общества, тем азартней велась игра».⁷ Однако генерал не понимал или отказывался понимать, что подобные действия в условиях института кровной мести не могут не вызвать ответной жестокости. Дробность горского социума сильно снижала эффективность устрашения как такового: известия о расправе над одним аулом «принималась к сведению» в другом, мужчины которого считали себя более храбрыми и удачливыми. Если даже молва о репрессиях достигала адресата, уstraшенные соседи в лучшем случае приносили присягу, собираясь соблюдать ее не дольше необходимого. С точки зрения горцев требование не пропускать через свои земли отряды, идущие в набег, вообще было абсурдно:

Ермолов толкал их на войну с соплеменниками, не располагая возможностями для реальной военной помощи.

В армии всегда существовал культ «настоящего» генерала, располагавшего благодаря этому неограниченным доверием своих подчиненных. «Кавказские войска с восторгом узнали о назначении главою их Ермолова, героя Бородина и Кульма, любимца народной молвы, стяжавшего себе громкую славу и качествами опытного и талантливового вождя, обходимого официальными реляциями, но популярнейшего в войсках, и своей неподкупной честностью и своей истинно русской душой, и меткими злыми остротами над господствовавшими тогда всюду в России „немцами“, народное нерасположение к которым усилилось недавней народной войной 1812 года. Даже в блестящей пляде деятелей того недавнего прошлого нашей народной и государственной жизни Ермолов принадлежит к числу тех немногих, на которых во все грядущие века с удивленным вниманием и глубоким сочувствием остановится взор всякого русского, кому дорога русская национальная слава».⁸

Восторг кавказских полков понять легко, памятуя о том, что его предшественником был 62-летний Н. Ф. Ртищев, который за свое пятилетнее правление (1811-1816) не понял специфики края и часто попадал в нелепые ситуации, пытаясь внедрить свою систему в отношениях с горцами: подарки, подкуп и «человеческое обхождение». Войска были угнетены бездействием и фактическим запрещением наносить ответные удары. Такие боевые генералы, как И. П. Дельпоццо, П. С. Котляревский, Г. Д. Орбелиани и Д. Т. Лисаневич, делали свое дело фактически на свой страх и риск. Явный крах «мирной» политики Ртищева стал весьма выгодным фоном для деятельности Ермолова.

Формированию мифа о Ермолове — покорителе Кавказа способствовала своеобразная ностальгия кавказских солдат и офицеров по тем временам, когда их походы имели видимый конечный результат: горцы терпели одно поражение за другим, и часто при одном появлении русских войск изъявляли покорность. Это было представление о своеобразном «золотом веке». На формирование имиджа Ермолова работала и динамика боевых потерь. В 1801-1817 гг. Кавказский корпус потерял убитыми 1738 нижних чинов, что составляло в среднем по 102 человека в год. Пассивность войск при его предшественнике Ртищеве отразилась на потерях: за пять лет (1811-1817) было убито 86 солдат (по 17 в год). За восемь лет активных боевых действий (1818-1825) погибло 1208 солдат (151 в год). Несмотря на ощутимое увеличение потерь, они психологически легче переносились войсками, поскольку был видимый результат — покорение горцев (тогда еще не знали, что оно временное). В 1830-1840 гг. ежегодные потери Кавказского корпуса вдвое превысили показатели «ермоловского» времени (350 убитых нижних чинов) и в глазах многих были бесплодными: покорение горцев по-прежнему выглядело весьма далеким.

Отсутствие понимания того, почему в лесах Чечни и в горах Дагестана в 1830-е гг. стала буксовать такая мощная военная машина, как русская армия, порождало обвинения военачальников в бесталанности. Тема бездарных генералов, «ослов, руководивших львами», которые погубили тысячи храбрых солдат и офицеров, — одна из любимых в военной устной традиции, в ее письменном варианте — мемуаристике, а также в исторической литературе всех уровней — от ангажированной публицистики до серьезных академических сочинений. Это — следствие естественного стремления придавать любой абстракции (победа, поражение) узнаваемое человеческое лицо. Поиск «козла отпущения» успешно заменял трудный анализ действительных причин неудачи.

административными центрами края, предполагало большую независимость и фактическую бесконтрольность местных начальников. При неопределенности законодательной базы, специфической системе налогообложения, при сохранении традиций произвола власти предрасполагало их превращению в местных князьков с почти неизбежными злоупотреблениями властью. Были такие князьки до Ермолова, при нем и после него.

При оценке деятельности главнокомандующих на Кавказе следует учитывать то обстоятельство, что они не занимались рутинной управленческой работой, формальными инспекциями расквартированных там войск и не участвовали в протокольных дипломатических мероприятиях. На их плечи легла колоссальная нагрузка по административному обустройству огромной имперской окраины, руководство боевыми действиями в сложнейших условиях и принятие решений, способных оказать огромное влияние на развитие отношений России с сопредельными государствами и Европой. В результате даже правление таких даровитых людей, как Цицианов, Ермолов, Паскевич, Воронцов и Барятинский, отмечено разного рода конфузами. Если же первым лицом оказывался человек, не способный выйти за рамки стереотипов своего времени, то в истории Кавказа он оставался как неудачник (Гудович, Розен, Нейдгардт, Головин).

Усилиями отечественной историографии Ермолов вырисован едва ли не единственным светлым пятном на тусклом фоне прочих кавказских главнокомандующих. Ермолов не потерпел в Кавказско-горской войне ни одной серьезной неудачи, ушел непобежденным. Можно сказать, Николай I стал невольным соавтором его возвеличивания. Худшим наказанием для генерала-фрондера могло стать продолжение службы на Кавказе с неизбежной жатвой того, что он сам там посеял. Ермолов силой своего обаяния, за счет своих действительных талантов и заслуг преодолел тот порог, за которым человеку прощаются любые грехи, а неудачи переводятся в разряд успехов. Он пролонгировал сладкое чувство победы 1812-1814 гг. своими викториями на Кавказе. Он сумел до самой своей кончины, не занимая никаких видных государственных постов, сохранить представление о себе как о человеке значительном, его мнением дорожили, похвалы жаждали, а порицания боялись. Визиты к Ермолову считались едва ли не обязательными для всех, кто ехал на Кавказ. Отставного «проконсула» навещали А. С. Пушкин и М. Ю. Лермонтов, будущий военный министр Д. А. Милютин, десятки офицеров, продолжавших его дело. Шамиль, привезенный в 1860 г. после пленения в Москву, свой первый визит нанес Ермолову. После смерти генерала сохранению славы покорителя Кавказа стали служить его мемуарные «Записки», представляющие собой ценнейший исторический источник.

История знает немало примеров того, как некая персона усилиями биографов, уступающих напору общественного мнения, симпатизирующего ей, вбирает в себя черты нескольких людей, абсорбирует их поступки, слова и т. д. Люди, совершавшие не менее значимые поступки, оказываются в глубокой тени такого баловня историографии. Промахи героя затушевываются, а удачи представляются по меньшей мере во всем их величии. Формирование исторического образа Ермолова вполне может быть включено в число таких примеров.

Трактовка и оценка действий А. П. Ермолова на посту главнокомандующего в 1816–1826 гг. является составной частью общей историографии присоединения Кавказа, испытывавшей на себе огромное давление со стороны доминировавших в разные времена идеологических схем.

Предложенное читателям эссе вовсе не является попыткой «развенчать» героя. Действительные великие заслуги А. П. Ермолова перед Россией не подлежат ревизии. Речь идет о своеобразной трансформации образа этого человека, об искажении образов его предшественников и преемников, об элементах агиографии в изображении деятельности и личности реально существовавшей фигуры, о процессе создания во многом фантастического портрета А. П. Ермолова и приобретения им статуса покорителя Кавказа. Данная статья — «развернутый вопрос» о механизмах и причинах формирования мифических изображений прошлого.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. подробнее: *Лапин В. В.* К вопросу о хронологических рамках Кавказской войны XVIII-XIX вв. // Страницы Российской истории: Проблемы, события, люди: Сб. статей в честь Бориса Васильевича Ананьича. СПб., 2003. С. 94-100

² *Шербаков А. С.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич: Его жизнь и деятельность. СПб., 1890. Т. 2. С. 66, 97-98, 113, 137-139.

³ *Гржегоржевский И. А.* Генерал-лейтенант Клюки-фон-Клюгенау: Очерк военных действий и событий на Кавказе. 1818-1850 // Русская старина. 1874. Т. 11. С. 140.

⁴ См.: *Гордин Я. А.* Кавказ: земля и кровь: Россия в Кавказской войне XIX века. СПб., 2000. С. 86.

⁵ Акты Кавказской Археографической Комиссии. Тифлис, 1874. Т. 6. Ч. 2. С. 250.

⁶ *Блиев М. М.* Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации. М., 2004. С. 154.

⁷ Там же. С. 137.

⁸ *Потто В. А.* Кавказская война. М., 1996. Т. 2. С. 7.

⁹ Подсчитано по: *Гизетти А. Л.* Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн Кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае. 1801-1885 гг. Тифлис, 1901.

¹⁰ *Гордин Я. А.* Кавказ: земля и кровь. С. 68.

Б. И. Колоницкий

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ В ОСКОРБЛЕНИЯХ И СЛУХАХ ЭПОХИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В годы Первой мировой войны все большую роль стали играть слухи. Житель российской столицы уже в августе 1914 г. записал в своем дневнике: «В такие минуты люди должны питать свое воображение хоть какими-нибудь фактами, и, не имея сведений, они сами измышляют всякий вздор, который, переходя из уст в уста, достигает геркуловых столпов глупости. За последние дни петербургская молва повесила нескольких командиров армий, расстреляла нескольких командиров дивизий, бригад и полков и умертвила всех командиров гвардии, плодя опасные в это время страхи».¹

Военный цензор в Финляндии отмечал в 1916г.: «Октябрь текущего года может быть назван месяцем слухов. Никогда еще за два года войны эти „слухи“ не были